

Новые книги

VR Мы представляем новейшую книгу, посвященную природе денег. Пожалуй, это третья книга, которую можно непосредственно отнести к увлекательному направлению социологии денег (если не считать классической «Философии денег» Г. Зиммеля¹). Она опубликована десятилетие спустя книги В. Зелизер «Социальное значение денег»² и «Социологии денег» Н. Додда³. Но вряд ли и сейчас удалось раскрыть все тайны денежных отношений...

Рецензия на книгу:

Ingham G. The Nature of Money. Cambridge: Polity Press, 2004. 254 p.⁴

Ингэм Дж. Природа денег. Кембридж: Полити Пресс, 2004. 254 с.

Хайнер Гансман [Heiner Gansmann]

Институт социологии Свободного университета Берлина

Email: ganssman@zedat.fu-berlin.de

Уже само название книги содержит многообещающее заявление⁵. После вековых размышлений (или заблуждений) экономической теории по поводу того, что такое деньги, сама попытка социолога раскрыть или реконструировать «природу денег» представляет собой определенное достижение. Однако было бы слишком смелым ожидать решения данной проблемы, поскольку социологические теории денег пока лишь делают свои первые попытки – которых, правда, становится все больше. Так что же Ингэм может добавить к тому, что мы уже знаем о деньгах?

Его центральный тезис заключается в «логической необходимости существования денег как авторизованного средства расчетов» [an authoritative money of account] (с. 227) и опирается на две исходные посылки. Первая заключается в том, что первоочередная функция денег – служить средством расчетов. Вторая связана с возрождением предложенной Г.Ф. Кнаппом [Georg Knapp] государственной теории денег, согласно которой для внедрения подобного средства учета необходима центральная власть, государство. Тем самым Ингэм выступает против «классической» экономической теории, согласно которой деньги (по крайней мере, на начальном этапе) суть некий товар, более или менее спонтанным образом принимающий на себя функцию средства обращения в децентрализованных отношениях обмена. Ингэм

---

¹ *Simmel G. The Philosophy of Money. London: Routledge & Kegan Paul, 1990.*

² *Zelizer V. The Social Meaning of Money. New York: Basic Books, 1994.* Перевод см.: Зелизер В. Социальное значение денег. М.: ГУ–ВШЭ, 2004.

³ *Dodd N. The Sociology of Money: Economics, Reason and Contemporary Society. Cambridge: Polity Press, 1994.*

⁴ *Источник: Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2004. Vol. 6. No. 1. October. P. 29–32 (<http://econsoc.mpifg.de/archive/esoct04.pdf>).* Пер. М.С. Добряковой под науч. ред. В.В. Радаева.

⁵ См. собственные рассуждения Дж. Ингэма по этому вопросу в предыдущем номере ньюслеттера: *Economic Sociology: European Electronic Newsletter. 2004. Vol. 5. No. 2. January. P. 18–28 (<http://econsoc.mpifg.de/archive/esjan04.pdf>).*

увязывает данную традицию трактовки денег как товара с древней экономической догмой о нейтральности денег (или понимании денег как простого символа [veil]) и опровергает ее, утверждая, что «суть денег завключается в кредите [credit]» (с. 22, 72, 140), которое порождается в кредитных отношениях и не может быть нейтральным, поскольку «денежная сторона капитализма должна рассматриваться как активная, автономная сила, структурирующая капиталистические хозяйственные отношения» (с. 160). Данный подход очевидно опирается на тезис о господстве интересов рантье в современном капитализме, выдвинутый Дж. Кейнсом [John Keynes] и М. Калецким [Michal Kalecki].

Однако Ингэм более амбициозен в отношении исторического охвата. Он разворачивает суждение, оброненное М. Вебером: деньги – это отнюдь не безвредный «ваучер» [voucher], обмениваемый на товары, но результат социальной борьбы. По мнению Ингэма, решающие сражения по поводу денег происходят между тремя сторонами: государством, его кредиторами и налогоплательщиками. Взаимодействие между ними автор иллюстрирует интересными историческими экскурсами, описывая Древний Вавилон и Рим, современную Аргентину и зону евро. Государство делает долги; в современных обстоятельствах – продавая ценные бумаги богатым собственникам, рассчитывающим на получение процентов (и в конечном счете на выплату основной суммы принципалом). Государство тратит деньги, полученные (или присвоенные?) таким образом, на любые необходимые ему товары и услуги. Население принимает эти деньги, поскольку ожидает, что государство в свою очередь примет их в качестве налоговых платежей. В случае серьезного неисполнения хотя бы одного из этих ожиданий вся денежная система не может функционировать нормально.

В определенном смысле тезис Ингэма о «логической необходимости существования денег как авторизованных средств расчета» является новой вариацией на тему старой дискуссии по поводу того, как следует объяснять социальные структуры: сверху вниз или снизу вверх, что первично – утверждение сверху или возникновение снизу? В данном случае вопрос ставится так: деньги вводятся государством или же появляются в процессе обмена? И возникает этот вопрос в связи с тем, что современные деньги – совершенно очевидно – являются, по выражению А. Лернера, «порождением государства» [Lerner 1947]. Но распространяется ли это правило на все деньги? Как следует из исторических наблюдений Ингэма, и древние, и современные государства играли и играют важную роль в поддержании и развитии – но также и разрушении – денежных систем. Тем не менее, мне кажется, здесь нет оснований говорить о некоей «логической необходимости». В конце концов, вопрос может сводиться к объяснению возникновения денег из спонтанных социальных взаимодействий. Оставляя в стороне неспособность неоклассической экономической теории признать роль социальных взаимодействий в конструировании такого социального факта, как деньги, можно без труда многое понять о деньгах, не вводя при этом в анализ государство. Это касается даже и «денег как средства расчета». Взаимодействуя друг с другом, люди вполне могут самостоятельно задавать стандарты – договариваться о мерах весов и длины, правилах и конвенциональных поведенческих нормах, не обращая при этом к центральной власти. То, что существование таких стандартов и правил не исключает конфликтов и борьбы (если продолжать веберовский мотив, развиваемый Ингэмом), очевидно в любом спортивном соревновании: фехтовании, боксе, теннисе. Так что роль денег в конкурентной борьбе на рынках заключается в том, чтобы обеспечивать коммуникацию, направлять и структурировать взаимодействия. Конечно, некоторые элементы власти могут оказаться полезными для определения и поддержания единых стандартов (так же как будет полезным и введение наказаний за нарушения обязательств между частными агентами), однако подобная роль едва ли имеет что-либо общее с логической необходимостью. Помимо этого, с методологической точки зрения обоснованность теории денег, основанных на существовании сильного государства, кажется ограниченной. Все связанные с объяснением проблемы, которые можно обойти в теории денег, вновь всплывают в теории государства. Если государство отвечает за

то, чтобы вливать деньги в хозяйственный оборот, то каким образом оно оказалось в этой роли? Могут ли государственные чиновники знать больше, чем частные лица?

Вместо того чтобы вслед за Ингэмом опровергать попытки объяснения происхождения денег из процесса обмена и концепции денег как товара, я склонен предложить две вещи. Во-первых, стоит более тщательно подойти к определению ключевых понятий – прежде всего понятию «стоимости» [value]. На протяжении всей книги Ингэм говорит о «стоимости денег», «абстрактной стоимости» и т.д., однако при этом он жестко критикует как классическую трудовую теорию стоимости, так и неоклассическую теорию предельной полезности. Поэтому ему следует либо объяснить, что же он сам понимает под стоимостью, либо постараться полностью избежать этого термина. Второй вариант на самом деле мог бы стать любопытным упражнением, поскольку – как какое-то время назад предположили К. Бенетти и Ж. Картелье [Benetti, Cartelier 1980, 1987] – понятие стоимости не столько облегчает, сколько затрудняет понимание денег (особенно в связи с тем, что традиционно оно использовалось для обозначения неких общих характеристик товаров и денежных объектов). Во-вторых, на мой взгляд, может оказаться продуктивным рассматривать деньги не как нечто универсальное, внедряемое в общество раз и навсегда, а скорее как совокупность тесно взаимосвязанных практик и объектов. Это предполагает, по крайней мере в рамках нашего эксперимента, что мы забудем о бесконечной дискуссии по поводу того, какая же из многочисленных функций денег (средство обмена, платежа, учета и т.д.) является основной. Это означает отход от жестких дихотомий, построенных по принципу «или / или». Пример такого подхода мы встречаем у М. Вебера, чьи идеи об анализе денег в контексте конфликта и борьбы и послужили толчком для рассуждений Ингэма (с. 202 и далее). Вебер предлагал преодолеть разрыв между государственной теорией денег (Г. Кнапп) и теорией денег, возникающих из обмена (Л. фон Мизес), введя формальный / материальный критерий: государство может устанавливать формальную законность денежной единицы лишь при условии, что ее материальная значимость (в терминах покупательной способности) остается продуктом рыночного взаимодействия.

Таким образом, хотя современные деньги, несомненно, являются «порождением государства», на более ранние формы денег это утверждение распространяется далеко не столь однозначно. Можно трактовать историю денег как процесс, в ходе которого необходимые свойства денег постепенно трансформировались: физические свойства объектов, служивших деньгами (имеются в виду их наиболее важные функции, но не все функции), сменялись организационными свойствами хозяйственных и политических институтов. В течение уже достаточно длительного времени «носитель» денег, выполняя все свои разнообразные функции, не обязательно должен обладать «стоимостью» (в смысле потребительной стоимости). Субститутотом стоимости предмета оказывается институциональная поддержка: соответствующие сложные институты (частные и государственные, национальные и международные) формируются, переживают кризис и реорганизацию, чтобы обеспечить функционирование монетарной системы, которая вмещает максимальный объем накопленного опыта и существует до тех пор, пока новый кризис не потребует следующей реорганизации. Ступени и этапы развития монетарных систем отнюдь не сводятся к одной основной модели, как утверждает Ингэм. Природа денег меняется...

Попытки таких обобщений, как: «Деньги суть социальные отношения кредита и долговых обязательств, воплощенные в денежных средствах учета» (с. 12) или «все деньги представляют собой символические знаки *абстрактной* стоимости, обозначающие свои собственные и образованные ими социальные отношения кредита и долговых обязательств» (с. 63), могут привести к тому, что мы упустим из виду важные различия и этапы в эволюции денег. Почему мы должны принимать аксиому о том, что кредитно-долговые отношения существуют в обществах, использующих деньги, но далеких от создания институтов,

которые могли бы поддерживать кредитную систему? Почему покупки и продажи без отсроченных платежей «логически» невозможны?⁶

Подчеркивая необходимость вернуться к социальным отношениям, Ингэм ссылается на предложенное мною однажды [Ganßmann 1988] различие между отношениями агент-агент, агент-объект и объект-объект (с. 16 и далее), поэтому я хотел бы (не без умысла) воспользоваться случаем и прояснить некоторые моменты, упущенные автором. Данное замечание важно также и для неверного понимания Ингэмом структуры и содержания марксовой теории денег. Критикуя социологические теории денег, я утверждал, что экономические и социологические теории грешат общими фундаментальными недостатками. Экономическое мышление (по крайней мере, неоклассическая традиция) на концептуальном уровне ограничено отношениями агент-объект, базовым понятием при этом является полезность. Отношения агент-агент здесь либо сводятся к отношениям агент-объект, либо не рассматриваются вовсе. Социологи же, напротив, сосредоточены на изучении отношений агент-агент, но недостаточное внимание уделяют анализу роли физических объектов в этих отношениях – будь то природные или социальные артефакты⁷. Мой тезис, навеянный преимущественно марксовой критикой товарного фетишизма, звучит следующим образом: чтобы понять сущность денег, необходимо расшифровать отношения объект-объект между ценами и обменом как формой проявления социальных отношений, характерных для того или иного денежного хозяйства. Конечно, можно, подобно Ингэму, не соглашаться с предложенной Марксом схемой выведения денег из товарных отношений [ср.: Ganßmann 1998]. Однако для Маркса товары ни в коей мере не являются природными объектами. Во-первых, большинство из них являются продуктами общественного труда, и, во-вторых, они играют свою особую социальную роль в той или иной социальной среде. Данная социальная среда, на общем уровне определяемая как сочетание института частной собственности и общественного разделения труда, порождает такие идеологические натурализации, как: золото – это деньги по самой своей природе; или же – в данном контексте – все вещи по природе своей товары. Таким образом, аргумент М. Дуглас (с. 37, 80), который Ингэм противопоставляет идеям «товарных теоретиков» (включая Маркса), некорректно отождествляющих деньги с природными объектами, на самом деле восходит к идеям Маркса.

---

⁶ «В самом общем смысле обладатель денег обладает и товарами. Но деньги также являются притязанием или предоставлением кредита тому, кто их выпустил, – монарху, государству, банку и т.д. ... Деньги не существуют вне параллельного существования долга, который они могут погасить» (с. 12). Либо здесь из «денежной массы» [moneyness] (что бы под ней ни понималось) исключены некоторые формы денег, либо обобщение следует расширить далее и сделать понятие «долг» еще более размытым – в духе М. Алиетты, писавшем о «взаимном долге между каждым индивидом и обществом» [Aglietta 1997: 416]. Кто *должен* товары обладателю денег? Никто. Возможно, я захочу продать вам что-то, если вы предложите мне достаточно денег. Но в нормальных процессах купли-продажи на рынках наличного товара просто нет долговых отношений. То, что кому-то приходится принимать определенный тип денег в качестве законного средства платежа, никого не заставляет *продавать* товары тому, что владеет этими деньгами.

⁷ Хорошей отправной точкой здесь может послужить онтология социальных фактов Джона Сёрля [Searle 1995], однако Ингэм делает серьезную отсылку к Сёрлю лишь в связи с «коллективными намерениями» [collective intentionality] (с. 74), которые он противопоставляет методологическому индивидуализму, – весьма антивеберянское упражнение, надо сказать.

Ирония, содержащаяся в убедительной ссылке Ингэма на социальные отношения (или, еще более явно, в его предположении о том, что «деньги *сами по себе* являются социальным отношением»), заключается в том, что она заставляет его забыть о социальной прикреплённости функций денег к *объектам*. Таким образом, он повторяет стандартную социологическую процедуру сведения социальных фактов к отношениям и упускает из виду роль предметов в этих отношениях. Даже если учесть, что физический вид многих форм современных денег часто ограничивается рядами цифр на мониторе компьютера (ведь платежи можно осуществлять посредством изменений в банковских «книгах», и операции с физическими денежными объектами перестали быть необходимыми), ключевой задачей любой теории денег по-прежнему остается объяснение того, почему и в какой форме в денежных транзакциях используются физические объекты. Вопрос касается и кредитных отношений: каким образом можно погасить долг, передавая зеленые бумажки? Даже когда мы используем деньги в качестве средства расчета в сугубо умственных операциях, мы имеем в виду денежные объекты, которые обязательно должны физически присутствовать в определенный момент денежных транзакций.

Подводя итог: книга Ингэма полна интересных, стимулирующих, будоражащих мысль идей; автор охватил многие области литературы по теории и истории денег. Прочитав книгу, мы несколько приближаемся к разгадке природы денег – и все же остаемся по-прежнему достаточно далеки от нее...

Литература

Aglietta M. Régulation et crises du capitalisme, Postface. 2nd ed. Paris: Odile Jacob, 1997. P. 409–477.

Benetti C., Cartelier J. Marchands, salariat et capitalistes. Paris: Maspéro, 1980.

Benetti C., Cartelier J. Monnaie, valeur et propriété privée // *Revue Economique*. 1987. Vol. 38. No. 6. P. 1157–1170.

Ganßmann H. Money – A Symbolically Generalized Medium of Communication? // *Economy and Society*. 1988. Vol. 17. No. 3. P. 285–316.

Ganßmann H. The Emergence of Credit Money // *Marxian Economics*. Vol. 1. Essays on Volume III of *Capital* – Method, Value and Money / Ed. by R. Bellofiore. Basingstoke: MacMillan, 1988. P. 145–156.

Lerner A. Money as a Creature of the State // *American Economic Review*. 1947. Vol. 37.